

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 165

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.1.005

«БЕСПРЕДПОСЫЛОЧНОСТЬ» СЕМАНТИКИ?

В.В. Ильин

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»,
г. Калуга

Анализируется некогда популярная, но лишенная эпистемологической основности платформа беспредпосылочности строя семантической процедуры. Показывается установление смыслозначимости в вариантах лингвистической, логической, философской семантики с опорой на предпосылочное базисное знание (система допущений о природе осваиваемой концептуально-символическими средствами реальности); последнее, отменяя принцип всеведения, разрушает финалистский идеал знания, как и фундирующую его теоретико-познавательную химеру эвидентного базиса познания.

Ключевые слова: смысл, значение, эвидентный базис познавательной деятельности.

Сверхпопулярная, не говоря «навязчивая», идея прозрачности, непосредственности, необремененности фоновыми влияниями – некоего эвидентного базиса – пропитала семантические исследования, в качестве руководящей установки выступила будирующей платформой «прямого», «полного», «окончательного» установления смыслозначимости.

В варианте лингвистической семантики утрировался тройкий момент:

- 1) dhvani – суггестивно-магический эффект звучащего слова (см. подр.: [14; 18]) (известный мотив неопифагореизма, исмаилизма, каббализма, хуруфизма);
- 2) «голая форма слова»;
- 3) интонационно-синтаксический потенциал верлибра.

Необходимо-лаконичные пояснения сказанному сводятся к следующему.

1. Обогащающее идеи древнеиндийских поэтиков умонастроение концептуального (и творческого) символизма (от Бодлера, Верлена, Рембо, Малларме до отечественных старших (Брюсов, Бальмонт, Сологуб, Добролюбов, Мережковский, Гиппиус) и младших (Блок, Белый, В. Иванов, Эллис, С. Соловьев) символистов) поднимает на щит красоту «музыки» – мелодика, ритмика, орнаментика, тембровка, тонировка, нюансировка, ор-

кестровка, аранжировка – «на губах застывшего слова» (по выражению сочувствующего символизму И. Анненского).

Оказываясь дериватом самодостаточной «звуковой реальности», смыслозначимости конституируются обеспечивающими эвфонию просодическими (акустическими, интонационно-мелодическими) комплексами и характеристиками.

Звук порождает смысл? В контекстуально четко, точно очерченных ситуациях «положительное» (безопасность, безмятежность – праздничный трезвон) – «отрицательное» (опасность, тревога – бить в набат) – быть может. Но в силу правила неполноты артикуляции достаточно богатых, жизненных представительных явлений [14; 18], безусловно, нет. Лиризм слова, как таковой, способен оттенять, однако же – не создавать смыслы, причем крайне избирательно и негарантийно.

2. Имеет тройное воплощение – под фирмой:

1) «сдвигологического» отождествления букв с некими наперед заданными трактовками (линия Хлебникова [14; 18]), обнажение которых развертывает смысловые образы, предметные функции особой демонстрационной азбуки;

2) перспективы «заумного» языка – линии:

– футуризма в широком значении слова (эго-, кубофутуризм, центрифугизм – Хлебников, Бурлюк, Северянин, Каменский, Асеев, Крученых, Маяковский и др.) с диспозицией «слово – самоцель» – формалистический опыт словотворчества;

– имажинизма (Есенин, Грузинов, Мариенгоф, Кусиков, Шершеневич, Ивнев и др.) с диспозицией «освобождение слова от тюрьмы (традиционного) содержания» (ср.: Шершеневич: слово – «вверх ногами <...> самое естественное положение слова») для инспирации мозаики словообразности.

Унитарный «новаторский» элемент указанных линий – аграмматичность (отрицание частей речи, служебных слов), выдающая смысл «с головой в руки образа» [4, с. 192]. Образа, индуцируемого экспериментами со становящимся рычагом художественного конструирования корнеслови-ем. Сошлемся на хрестоматийное хлебниковское:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами,
Что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешищ надсмеяльных.
Смех усмейных смеячей!
О, иссмейся рассмеяльно,
Смех подсмейных смеячей!
Смейво, смейво!
Усмей, осмей, смешики, смешики.

Смеюнчики, смеюнчики!
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Квалифицируя программу «непосредственной» видимости, «абсолютной» достоверности самоцельно-самоценного беспредпосылочного слова [27, с. 317], адресуемся к соображениям Есенина, характеризовавшего деятельность своих коллег «диссонансом», изображающим «шутовское кривлянье» ради «самого кривлянья» [12, с. 61]; Потебни и В. Гофмана, подчеркивавших: коль скоро основополагающей и единственно самодовлеющей чертой творчества рассматриваемых теоретиков-практиков искусства является язык, литература перестает быть средством «развития мысли» [11; 30, с. 172].

3. Метод свободного, нерифмованного стиха без признаков четкой соразмерности строк (ударник, дольник, раёшник), подчиненный фиксации мыслей без «художественных излишеств», – своего рода семантика в «чистом виде», к использованию которой прибегал Гумилев [28].

Тема «звучание-значение» концептуализируется планами: фонология – онтология – физиология.

Фонология. Снова и всегда, – настаивал Верлен, –
 За музыку только дело...
 Почти бесплотность предпочти
 Всему, что слишком плоть и тело ...

Как вытекает из этимологии, фонология концентрируется на учете звуковысотного просодического лейтмотива, в идеале обуславливающего эвфонию.

Определяемая слуховым восприятием текста установка на «звучание» генеалогически отрабатывается в декламации, рецитации, технически обеспечивается рядом композиционных приемов-правил ритмического последовательного чередования, ударения длящихся звуков, по темпу, экспрессии, метру, интонации, синтаксической организации достигающих художественно-мелодичного исполнения слова.

Возбуждение чувства, создание настроения, нагнетание порывов души, эмоциональной насыщенности размышлений, томленья духа, пленяющего лиризма осуществляют изоощренные, досконально отработанные способы (колон, скандовка, рифма, внутренняя рифма, ритм, метр, анафорические, эпифорические повторы, ассонанс, аллитерация) медитативной рихтовки, оказывающиеся премиксом достижения благозвучия.

Разгадка суггестивно-магической тайны звучащего слова – в уяснении композиции, порядка организации напевно-свободного излучения, извержения инструментально намагниченных звуков, а с ними – их смысловой инкрустированности.

Онтология. «Художник должен стать собственной формой, его природное “Я” должно слиться с творчеством; его жизнь должна стать художественной. Он сам “слово”»...» [2, с. 28], – целеориентировал Белый.

Сущностный базис пронзительной красоты мелодично звучащего слова – двоякий.

Во-первых, гармонические законы созвучия – ритмики, метрики, чередующести выразительных символюемких форм [18], организуемых (порядок выстраивания последовательностей) по канонам симметрии. В художественном опыте, используя мысль Гегеля, «внешний (! – *В.И.*) материал совершенно обесценивается» [7, с. 94], уступает подмостки материалу внутреннему, становящемуся подлинным кумиром. Производится субституция: материальная реальность подменяется реальностью символической – словесно выраженной. Отправной более или менее явный опыт такой подмены – Библия, сотворяющая мир по слову. (На что специально обращал внимание Гумилев:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелие от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.)

«Слово» как созидательная миропородительная стихия только потому дееспособно, что гармонично организовано. Подрыв последнего – нарушение устоев пропорциональности, симметричности – влечет два хорошо верифицируемых исхода.

Один – впадение в абсурд, сюр, нонсенс, формальные упражнения (ср.: опыты Сельвинского, Зелинского по «конструктивному» словотворчеству) [15].

Другой – варьирование сущностных индукторов созвучий изменением порядка (!) чередования сильных-слабых долгих-кратких, ударных-неударных моментов артикуляции, позволяющих просодическим зависимостям обретать дополнительные функции зависимостей смысловоразличительных (использование анжабемана, семантически-композиционного противопоставления – конструкция пушкинского «Из Пиндемонта» и т. п.).

Звукорядность и симметрологичность – близнецы-братья (через метр, ритм, рифму, интервальность, строфику) – детерминируют строевую модуляцию мысли. В первую очередь, посредством структурного выстраивания композиции (нормированием синтаксических групп, соблюдением количественных соотношений, соответствий). Или его намеренного, нарочитого – не произвольного (!) нарушения. Как в случаях пропуска ударения (отступлением от метра в русском силлабо-тоническом стихе при использовании 4-стопного ямба; сдвигом ударности на метрически неударные места – в ямбах на нечетных слогах; нарушением порядка в достижении выразительности акцентов (пушкинская «Полтава»); пропуском ударений (в хорее) с созданием ритмического разнообразия; удлинением дактилических рифм (Бальмонт), привнесением монотонности в суффикальные рифмы; тягой к бедным в смысловом отношении, лишь воспроизводящим грамматические параметры глагольным рифмам и т. д.). (Содержательный противоход сказанному – пренебрежение звучанием с тактикой

выпячивания смыслового ресурса слова в классицизме, отказ от внутренней рифмы, гиперболизация строя александрийского стиха – французский 12-сложный стих; русский 6-стопный ямб с цезурой после 6 слога.)

Во-вторых, потенциал тропной выразительности, художественно-поэтической каузации. Не изобретая велосипеда, возьмем шестистишие Тютчева:

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой, –
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые,
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

Воспроизведем трактовку тютчевских «слез» Н.К. Геєм: «Все стихотворение – одна длинная зарифмованная фраза, которая превращена в текучую гирлянду слов. Здесь все как бы нарочито подчеркнуто – одно после другого, одно вытекает из другого, уже подготовлено. Редкий пример последовательного нагнетания эпитетов после определенного слова: “слезы людские” (повторено дважды), “безвестные”, “незримые”, “неистошимые”, “неисчислимые” – все эти определения брошены в поток пять раз повторенного “льетесь”. И затем развернутое сравнение. Опять последовательное появление эпитета после определяемого слова, трижды выдержанное: “струи дождевые”, “осень глухая”, “пора ночная”. Исключение из правила (по существу подчеркивающее направление общего движения) составляют слова: “ранней и поздней порой”. Здесь последний член доминирует и обуславливает предшествующее, но, как уже сказано, это только задержка, динамичная пауза, завихрение, которое обнаруживает и подчеркивает силу течения, неудержимость общего движения, так последовательно выраженного повторами одних и тех же слов, нагнетением определений, эпитетов и развернутого сравнения к слову “слезы”» [8, с. 183].

Введение специфической (тропной) стилистической причинности, художественного каузализма обогащает онтологическую основу лингвистической семантики крайне важным концептом «мотивирующая направленность».

Физиология. Сверхзвуковое смысловое лоно погружается в регулярность, унитарность энергетики речепроизводства (кинетика, акустика, артикуляция, модуляция). Звукоизвлечение – природный, естественный, технологический процесс чувственного общения – имеет гештальтообразную форму сущностного устройства, конституирующую корреляцию качества голосового кодирования-трансляции информации с участвующей в данном процессе мускулатурой тела. Общая зависимость «голос – физическое напряжение участков плоти» (техника «сопровождающих движений») вводится моделью Рутца – Зиверса, уточняется динамической схемой Бекинга, предложившего для спецификации процесса ряд кривых.

Достижение консонанса высот тона востребует напряжения разных групп мышц, идентификация участия которых в восприятии задает диспозиция «симпатия – антипатия» применительно к тексту (в широком значении слова).

Эвристичный резерв «беспредпосылочной» фоносемантики проблематизируется (если не разрушается) «безумной прихотью» (Бурлюк) искусного слова.

1. Имеются чисто выразительные затруднения артикуляции-трансляции сообщений. Скажем: до недавнего времени в чеченском языке отсутствовала фонема «ф», что препятствовало (в воспроизведении звуков) передаче лексемы «философ» (приобретающей вид «пилосоп»). Лишь пополнение выразительного поля введением буквы и фонемы «ф» решило проблему.

2. В ряде (впрочем, многочисленных) случаев затруднительно решить, какую именно смыслозначимую настройку дает нагромождение лексемного материала. Как в казусе выстраивания, видимо, репрезентативного ряда прилагательных Гиппиус:

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное,
Медленно-рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно-довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно не достойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежащее, дьявольски-косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное
Трупно-холодное, жалко ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!
– Что это – «все кругом»? Тогда откуда увещание:
Но жалоб не надо. Что радости в плаче?
И безапелляционная внеконтекстуальная уверенность:
Мы знаем, мы знаем: все будет иначе.

3. Опуская эвфонию, эвритмию (ритмическую архитектуру плавного течения речи – ср.: интервальный принцип созидания Белым «Котика Летаева»), напомним Шеллинга: любое (нетривиальное) произведение (текст) «допускает бесконечное количество толкований, причем <...> нельзя сказать, вложена ли эта бесконечность» автором или «раскрывается в произведении как таковом» [33, с. 383].

Богатство, безмерность влечет конфликт интерпретаций – anything goes: из всего решительно выводимо все. Обратимся к Выготскому: «клас-

сическим образом <...> («сдвигологических» – *В.И.*) толкований остается навсегда толкование пушкинского стиха Передоновым...

Встает заря во мгле холодной,
На нивах шум работ умолк,
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.

...тут аллегория скрывается. Волки попарно ходят: волк с волчихою голодной. Волк – сытый, а она – голодная. Жена всегда после мужа должна есть» [6, с. 84–85].

Представление не строго денотативной, а нестроого коннотативной природы текста наводит на необходимость (относительного) разграничения референциального и когнитивного подходов, твердой семантики и нетвердой семантизации [13; 26], предопределяет фундирование (интерналистского) литературного процесса какими-то дополнительными (экстерналистскими) внелитературными факторами. Впечатляет в данной связи интенция Пыпина обуславливать развитие литературы социально-политическими явлениями; Потебни – историей языка; Буслаева – несловесными видами творчества.

Не входя в дискуссию «детерминируется ли изучение словесно-текстовой (филологической) стороны культуры нефилологическими условиями», обратим внимание на крайнюю остроту лингво-гносеологической проблемы «пределов свободы (произвола)» интерпретаций (семантизаций), сама актуализация которой отменяет наивное допущение беспредпосылочного (прозрачного) базиса лингвосемантики.

4. Статус «слова». Слово как знак значения («смыслового» в лингвистике, «вещного» (вещно-предметного) в философии) суть метонимия, взыскующая никогда наперед не заданного толкования. «Естественная» аналогия между «словом» и «живым представлением» исторически (в интерактивно развернутой Δt) стирается, остается емкое «предпосылочное» понятие, исходное содержание которого устанавливается весьма трудоемкой реставрацией («окно» – от «око»; «голубь» – от «голубой» (см.: [29, с. 203])), добивающейся введения остенсивов.

5. Изобразительно-выразительная художественность проистекает из потребности людей «ощущать себя в состоянии страсти» [34, с. 15] – переживаний бесконечно ценных аффективно заданных мгновений-моментов, не допускающих ни тиражирования, ни типизирования, ни точного рационализирования:

Как туман объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами (?! – *В.И.*)
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой (чей? – *В.И.*)
(Тютчев).

В варианте логической семантики артикулируются многообразные моменты, по большей части сгущающиеся в пункты:

1. Формальная логика (ФЛ) поставляет абстрактные модели рассуждений, по своему ресурсному реквизиту – богатству свойств, характеристик, параметров – не совпадающие с реальным существом рассуждений; чудосочная бледная копия никогда не достигает определенности полнокровного оригинала.

Общеметодологически – поскольку содержание не сводимо к форме, система – к структуре – ФЛ реконструкции-переводы фигур мышления в естественном языке в фигуры мышления в искусственном языке всегда условны и небезупречны.

Дело не в замене полноценных размышлений (с их нормативным антуражем – эвристичность, полезность и т. д.) калькуляцией знаков (соответственно, субституцией содержательной обоснованности формальной выводимостью); дело – в невозможности решения капитальной предельной (граничной) задачи – выразить предметные и подспудно предметные значимые связи (своего рода прочувствованный релевантный *residuum*), фиксируемые не формальной, а материальной «профессиональной» логикой, формирующейся опытной убежденностью знатоков своего дела, постигающих природу субстанциальных форм. (Откуда досадные несообразия ФЛ угла зрения в виде парадоксов дедуктивной логики (логической импликации); индуктивной логики (подтверждения); деонтической логики; эпистемической логики.) Необходимо раз и навсегда понять и принять: ФЛ преобразования мыслительного материала не корреспондирует реально мыслительному его преобразованию (скажем: логическая эквиваленция постулирует $A \cdot B \sim B \cdot A$; на деле же: «некто увидел то-то и зашел туда-то» не эквивалентно «некто зашел туда-то и увидел то-то». Но на языке исчисления высказываний подобное очевидное смысловое различие не отобразимо. Аналогичное утверждается о законе контрапозиции и т. д.)

2. ФЛ-форма характеризует порядок связывания мыслей, придания им архитектоники в символически доуточненных жестких контекстах, замещающих выражения естественного языка искусственно конструируемыми записями. В естественном языке задать систему значений лексем (текстом) а priori невозможно. (Принципиальную семантическую роль здесь играют идентификации

- синтаксиса: Все ведь прекрасно, понимаешь.
Все ведь прекрасно понимаешь.
(с рельефным добавлением: столько лет на службе);
- омонимии: Из них я первым делом исходил
И с ними пол-Европы исходил
(Слуцкий);
- референции: уверенность в завтрашнем дне
- («дне» – предложный падеж «части суток» или (дизъюнкция в исключительном смысле) «социальной среды»);
- орфоэпии;
- социолектики. Etc.

Интенцию на учет контекстуальности выражений в ФЛ атрибутирует эллиптический – обстоятельственный – подход, вводящий триединство места, времени, отношения и, следовательно, затребующий дополнительной информации о мире).

В искусственном языке лексические значения задаются точными семантическими инструкциями уподобления дескриптивных терминов (выражений неформальных неформализованных текстов) логическим (формально-формализованные выражения) – правилами перевода достояния одного языкового массива в модельно представляющий его отображительный массив.

Здесь возникает серьезная проблема всесторонней оценки отображительного (репрезентирующего) представления (на деле – плюрализма представлений, учитывая использование разных ресурсов модельного отображения) на состоятельность, адекватность. Проблема, порожаемая отсутствием изначальных гарантий, что формально отображающая модель правильно (не искаженно) передает аутентичный смысл оригинала.

Мешкотная проблема автоматически не снимается: в своем решении крепится на выработку трудоемкой процедуры выстраивания метатеории, производящей нужный аудит формальной модельной конструкции на непротиворечивость, полноту, независимость, разрешимость. Последнее – более или менее отработанное занятие, но с позиций учета обсуждаемых раскладов осложняется: 1) замыканием языка на метаязык (в силу ограничительных результатов Гёделя); 2) возможностью возникновению парадоксов (типа парадокса лжеца).

3. Искусственные символические языки ФЛ варьируются по концептуальным и метаконцептуальным возможностям:

- язык логики высказываний отображительно беден (не выражает субъектно-предикатной структуры), но полон, непротиворечив, разрешим;
- язык логики предикатов отображительно более богат, полон, но не разрешим;

- язык расширенного исчисления предикатов отображительно еще более богат, но противоречив (в нем формулируется парадокс Рассела).

Логика предикатов комбинирует пропозициональными функциями $P(a_1 \dots a_n)$, где множество переменных «а» может быть необозримым. В простейших случаях при $a = 0$ предикат совпадает с высказыванием; при $a = 1$ предикат совпадает со свойством; при $a = 2$ – с бинарным, при $a = 3$ – с тернарным отношением и т. д.

В логике предикатов вводятся кванторные выражения – различается степень общности утверждений. Вместе с тем, с усложнением отображительного потенциала (отмечалось ранее) актуализируется проблематика разрешающей процедуры – при невозможности использовать громоздкий табличный метод установления истинности формул, прибегать к просмотру (перебору) множества интерпретаций формул из универсума рассуждений – оценивают технику вывода утверждений с опорой на прелиминарии

(трактовка основоположений, аппарата (формализм – интуиционизм), установление когерентности посылок – следствий).

4. Статус основоположений. Недоказываемые аксиоматические начала (допущения) (ввиду технической несостоятельности regressus in infinitum, ad infinitum – доказывать и доказать «все» из «всего») ФЛ систем конституируются неформальными, неформализуемыми, не допускающими алгоритмизации соображениями десижонизма.

Систематизируем: как принимается исходное, отправное? По доказательству? Нет. По эвидентности? Нет. Коллизия отпадает по логико-гносеологической неэксплицированности, волюнтаризму. Остается вкусовой подход с центровкой частной инициативы (по императивам «семьи, школы, эпохи») (ср.: негативное отношение Гильберта, Бореля к аксиоме Цермело (аксиоме выбора), подрывающей интуиции здравого смысла).

5. Статус базовых правил (канонов), предобуславливающих осмысленность, действительность, состоятельность неких универсальных тезисов:

– тезис «тождество»: $a \sim a$ ($a \equiv a$; $a = a$; $a \rightarrow a$) (ср.: идеология «нечетких» множеств Заде, Кофмана);

– тезис «непротиворечие»: $\overline{a \cdot \bar{a}}$ (ср.: идеология параконсистентных логик – Васильев, Лукасевич, Яськовский, Миро-Квисада, да Коста; релевантных, многозначных логик; деонтической, доксотической логики; computer science);

– тезис «универсальности» закона исключенного третьего $a \vee \bar{a}$ (ср.: интуиционистский, эффективистский, конструктивистский подходы – ограничимся отсылкой к умеренной линии Пуанкаре: «все имеет вполне ясный смысл, когда речь идет о конечном числе предметов» [40, с. 316]);

– тезис «единообразии природы» при оправдании индукции;

– тезис «потенциальной осуществимости» или оправдании полной индукции.

6. Статус онтологии ФЛ – коррелятивен ли он:

– объективному миру: какому именно? 1) Действительному, возможному, необходимому; 2) сохраняющемуся (тавтологичность истины во всех возможных мирах), изменяющемуся (диалетизм);

– субъективному миру – интуиционистская, ультраинтуиционистская логика алгоритмического получения результатов учетом активизма.

7. Наличие недоказуемых (1), неразрешимых (2) положений. Примеры (1) – тезис Черча: класс функций, вычислимых с помощью алгоритмов, совпадает с классом частично рекурсивных функций, в формулировке которого эксплуатируется нечеткое понятие «алгоритм в интуитивном смысле»; геометрическое предположение Дезарга; примеры (2) – континуум-гипотеза, обобщенная континуум-гипотеза.

Резюмирование сказанного навеивает скептическое отношение к высказанным Гильбертом требованиям решения логико-математических проблем, согласно которым следует «убедиться в правильности ответа с помощью конечного (! – *В.И.*) числа заключений и притом на основании

конечного (! – *В.И.*) числа предпосылок (?! – *В.И.*), которые кладутся в основу каждой задачи и которые должны (?! – *В.И.*) быть в каждом случае точно (?! – *В.И.*) сформулированы» [31, с. 17].

Финалистский идеал знания, как и фундирующая его гносеологическая доктрина эвидентного базиса познавательной деятельности – несбыточны, в чем убеждает огромное число открытых неразрешимых, некорректных задач, которые вкупе со строго обоснованными ограничениями достижения «абсолютной» прецезионности заставляют сомневаться в убеждении: все неясности устранимы логикой (ср.: линия Бета – не логикой, которая «не точна», а конструктивным процессом (см: [36, с. 411])), крепящейся на собственных непроясняемых предпосылках.

В варианте философской семантики постулируется наличие:

1) самодостоверных основоположений, имеющих контрарную генеалогию: экзогенную (анамнезис, нативизм) – эндогенную (ассоцианизм);

2) самоудоверяющих актов (интуиция – интуитивизм; идеация – идеационизм во всех ветвлениях-редактурах от фанероскопии (Пирс) до феноменологии (Гуссерль));

3) инвариантно-универсальной «настройки» души, обеспечивающей конгруэнтность состояний и достояний автономных сознаний.

Наши сжатые полемические комментарии (1 – 3).

1. Архаичная «ленивая» платформа исходно-прозрачных концептуальных логонов в лице мистических «врожденных идей» (Декарт), элементарных «простых идей» (Локк), представляющих питательную среду последующей коагуляции знания, в современной – основанной на результатах эволюционной, генетической эпистемологии, когнитивистики, социальной психологии, педагогики, психиатрии, культурной антропологии – интерпретации темы получает модифицированное толкование. Устраняется идеология «непосредственности, очевидности», сохраняется идеология «прелиминарности, престабилизированности».

Как мы имели случай заметить ранее [14], диспозиционно негативно трактуемая позиция «непосредственность», гносеология традиционно позитивно (сочувственно-благожелательно) относится к превентивной позиции «опосредованность». В настоящий момент в действенном аппарате практической гносеологии фигурируют рабочие представления:

– гештальтности – антиассоцианистского, антифизиологистского функционального упорядочения явленческого перцептивного многообразия по правилам симметрии, простоты, прегнантности и т. д.;

– генетически запрограммированных типических эмоциональных реакций на сердечный ритм, запах, коммуникацию с матерью (трансформация поведенческой структуры младенцев-отказников); восприятие располагающего (доброе) – нерасполагающего (злого) к себе, приветливого (улыбчивого) – неприветливого (неулыбчивого) лица и т. п.

2. Непредвзятой оценке сюжета способствуют два провизорных уточнения.

1) Гносеология как специализированная доктрина суть учение о стандартном, универсально-типическом процессе познания; интересуется, однако по большей части выносит за скобки данные о способе достижения-постижения истины в экзальтированных, измененных состояниях сознания. Гносеологию недопустимо, невозможно фундировать патологией. Последней стороне дела повышенное внимание уделяли братья Шлегели, Новалис, Вагнер, Рембо и др., самозабвенно рассуждавшие об экстатических, граничащих с полубормочными, припадочными расположениями духа его внутренними просветлениями (в казусах Достоевского, Ницше – вследствие гениальной эпилепсии, прогрессирующего паралича). Творец-художник – больной человек? Органическое расстройство – диспозиция познания?..

На легкость прозрения, блаженную вдохновенность, демоническую одержимость (при той же гиперемии) ссылается Т. Манн (см.: [25, с. 289]), не будучи профессиональным гносеологом (как и многие другие, высказывающиеся на сей счет), не обогащающий теорию никакой внятной перспективной моделью.

2) Подлежащий обозрению фактологический и концептуальный объем реализованного в истории гносеологических учений продуктивного дискурса о беспредпосылочном освоении истины резюмируется унитарной загадочной формулой: «идеация».

Об усмотрении сущности в редакции специфического эйдетического созерцания (в случайной ограниченной выборке) повествовали:

- Платон – вневещное приобщение к эйдосфере;
- Кант – «схватывание»;
- Бергсон – «вчувствование», «род интеллектуальной симпатии, путем которой переносятся внутрь (?! – *В.И.*) предмета, чтобы слиться (?! – *В.И.*) с тем, что есть в нем единственного и <...> невыразимого» [3, с. 6];
- Лосский – пророчески-вещательное освоение предметности в «подлиннике»;
- Гуссерль – *Wessensschau* эйдосов (интеллектуальных сущностей) в их «живой самости». Etc.

Для оптимизации изложения подвергнем различению эмпирическое (1) и эйдетическое (2) созерцание: (1) нацелено на визуальную репрезентацию явленческой стороны предметности, тогда как (2) – на ментальную реконструкцию сущностной ее стороны (правда, как отмечал еще Юм, в потоке (любых!) переживаний не может быть сущности). Идущая от Канта теоретико-познавательная традиция гиперболизирует значение (1), настаивает на сенсублизации любых и всяких продуктов теоретизирования. Лейтмотивом императива «сделать чувственным абстрактное понятие» выступает соображение показать соответствующий ему объект в наглядном выражении, ибо «иначе понятие будет «бессмысленным», лишенным значения» [24, с. 302].

Выше акцентировалась невыполнимость данного императива: имея эмпирическую генеалогию, понятие не имеет эмпирической (перцептивной), говоря платоновским языком, генологии. Обозначенное утрировал Секст Эмпирик, от невозможности чувственной проекции понятия дезавуировавший евклидово толкование «линии» как «длины без ширины» [32, с. 307].

Осторожная, если не сказать взыскательная, позиция тем более справедлива в отношении (2). Насколько реализуем широковещательный «строгий» проект эйдетики как доктрины «усмотрения» сущностей (Wessenseinsichten) в «чистом виде» в качестве абсолютных данностей? (см.: [39, S. 45]).

«Этот треугольник» в должном категориальном обеспечении замещается «треугольником вообще» – опосредование перцептуальности ментальностью осуществляется опосредованием лексикализации категоризацией участием гносеологически изошренных идеализаций, идентификаций, экстраполяций [16]. В компактной и довольно точной схематизации процесс выглядит так: «<...> категориальное значение материализуется в качестве субстрата лексической (при артикуляции перцептивного материала. – *В.И.*) семантики словоформы, которая, в свою очередь, через <...> сигнификационное значение выражает понятие о предмете, через денотативное значение указывает на принадлежность предмета <...> определенной категории (классу однородных предметов) <...> через референциальное значение указывает на <...> предмет мысли» [1, с. 60].

Номинация (словоформа) как единство акустического и семантического образа конкретизирует триединство грамматического, лексического, категориального значения. Но из констатации этого – фиксации стандартного восходящего умственного движения от визуализируемого (лексикализируемого) «данного треугольника» к категориально подразумеваемому «треугольнику вообще» – невозможно вывести (платонистскую) технику внечувственного – эйдетического – постижения сущностей, претендующую на выявление самоданности «абсолютного» в знании (познании, сознании) (см.: [41, S. 251]).

Держась критической линии Секста Эмпирика, вслед за ним озаботимся: каким умственным взором постигать те же упоминавшиеся «неправильные» – повсеместно изломанные, не имеющие производных «тератологические» функции, в недалеком прошлом отвергаемые научным сообществом (см.: [38, р. 317]).

Как таковое, понятие объективируется не в созерцательном (в разных модификациях), образном, но смысловом порядке за счет подведения частного под общее, конкретного под абстрактное. Откуда вытекает: фигуру «contemplation» гносеологически уместно трактовать как не «созерцание», но «размышление».

Каким образом в «видимом» умственно открывается «невидимое», в «уникальном» идейно обнаруживается «универсальное», изобличается

«олицетворение», выискивается записываемая с пропиской идеальная гипостаза (Благо, Красота, Истина и т. д.)? Еtc. Ответ один – в привлечении ресурса не созерцания (во всех видах), но размышления – умственной реставрации в чувственном сверхчувственных воплощений. Так, «перспектива» в живописи, «гармония» в музыке сами по себе «непосредственно», «автоматически» не даны; они – концептуально заданы и устанавливаются опосредованно – критико-аналитическим «уловлением» законов экспозиции (см.: [20]) – принципа порядка, характера связи, выстраивания композиции, чередования фигур разных планов, соблюдения высот звуков лада, сочетаний тонов и т. п.

Если брать «абстрактный» (предметно неспецифицированный текст, так сказать, потенцию текста) текст как совершенное творение – идеальное изваяние, – прибегая к слогу Гёте, – «клик божественный»; – «пред ним» – действительно – «все на свете крах (прах – *В.И.*) и дым». За исключением устанавливаемого правилами состава – согласования тем и рем, порядка воспроизведения форм, отношений подобия и самоподобия, организации символической переработки предметности [18]. В более общем смысле нормальный (не сдвигологический) текст выстраивается на отношении автоморфизма некоторых релевантных групп, несущих информацию о собственном системостроении. В противном случае – досадный поисковый (не хочется говорить «творческий») выход из «наряда» с впадением в своенравный сюр, абсурд, нонсенс [15].

3. Постулируются факторы типичной (типизируемой) (над/сверх) субъективности, снимающие извечную гносеологическую проблематику всеобщности результатов познания в частных познавательных актах. Не вдохновляясь директивой полноты фактологии, обопремся на ряд демонстративных свидетельств.

Гильберт: «Кое-что уже дано в нашем представлении в качестве предварительного (! – *В.И.*) условия для применения логических выводов и для выполнения логических операций; определения, внелогические конкретные объекты, которые имеются в созерцании (! – *В.И.*) до всякого мышления в качестве непосредственных (! – *В.И.*) переживаний» [10, с. 35].

Брауэр, Гейтинг: сомневаясь в эффективности классической логики, утверждающей свое высокое реноме на практической законности концептуализации обширной группы элементарных каждодневных явлений (см.: [37, р. 5]), ставили на «настройку» – «духовную установку» (см.: [9, с. 21]), обеспечивающую гомологичность фиксации, трансляции мыслей (достигаемая финитизмом, наглядностью конструирования объектов исследования ментальная однотипность).

Апелляция к исходно данным объектам, исконным канонам, фигурам действия дополняется апелляцией к корневым значимостям.

Риккерт, Шелер, Парсонс – ценностный фактор.

Вебер – фактор рациональности действия.

Сорокин – фактор этоса «интегральной цивилизации».

Хайдеггер – «путевые вехи» «фактической» «изначально живой реальности».

Шюц (феноменология, понимающая социология) – архетипы жизненного мира (Lebenswelt).

Указанные и сходные с ними программы-платформы, однако, никак не могут квалифицироваться в залоге эвидентно-беспредпосылочном. Используя введенную Шелером дифференцировку «логики судьбы» (контур витально-инстинктуального опыта) – «логики смысла» (контур идеально-культурного опыта), отметим наличие в обеих некоего трудно проясняемого, рационально плохо передаваемого предпосылочного фона.

«Логика судьбы» опосредована целесообразными естественно-историческими эволюционными началами, которые не то что «досконально», – удовлетворительно (при всем пиетете к парадигме эволюционизма) не эксплицированы. Камень преткновения представляют объемные темы ранга антропного принципа; пружин макроэволюционного процесса; вселенского истолкования целесообразности; человеческого космического одиночества и т. д.

«Логика смысла» опосредована затруднительно проясняемыми сопутствующими, привходящими, фоновыми (для «универсальной» системы отсчета) смыслами. Как замечает Уайтхед: «не бывает предположений, которые в точности соответствовали бы своему смыслу. Всегда есть некоторый фон, содержащийся в предположениях, и из-за своей неопределенности этот фон не поддается анализу» [42, р. 73].

Неясное обволакивается еще более неясным, упираясь в обескураживающую тематику эпистемической «софии» – теософия, космозофия, историософия, культурософия, социософия, антропософия, проводящей рефлексию «значения», «назначения», «предназначения» имперфектных, локально незавершенных и незавершаемых (в неприятии глумливого финализма) бого-, природо-, жизненосных тотальных (универсально-родовых) структур, содержательно осваиваемых путем неизбежных «скачков» в трансцендентное (см.: [21]).

Насколько солидна тематизация «бога», «мира», «культуры», «истории», «социума», «человеческого рода» «в целом», «как таковых» (см.: [23])?

Вследствие юмистско-позитивистской критики «безграничности» познавательных претензий наука определяет свои заявки обозримостью обоснования – в наиболее жестком ключе – формализацией, верификацией. Выдавливая все прочее (объявляемое ненаучным, хотя идейно ценным) в инаучные отсеки духовного и практически-духовного производства. На данном резоне проводится двусоставный маневр с нормативной дивергенцией:

1) сциентистский крен: вводится строгий регламент линеаризации истории познавательного процесса, якобы маркируемого прогрессистской стадийностью «религия – метафизика – наука»;

2) антисциентистский крен: вводится плюралистичный регламент самодостаточности, эвристической автономности креативно-поисковых сфер деятельности.

Толерантность к многообразию когнитивных стилей (от доксологизма до антропологизма) – общее место современного методологического, метанаучного сознания. Но дело не в этом. А в понимании того, что вершение судеб знания (ориентированное на, казалось бы, жесткие внутренние техники науки) перманентно (!) практикует адресацию к сверхсциентистским (научно неустойчивым) предпосылкам!

Избегая концептуальной эсхатологии, приведем свидетельства осложнения текущей мыследеятельности отнесением к скрытым (в нашем ментальном локале непроявляемым) компонентам упомянутого дискурсивно избыточного неявного смыслового фона.

– Организационное единообразие мира, управляемое статусом фундаментальных физических констант (ФФК), навещающее – в дефиците экплананса – инверсию стандартной имплицативной схематики мышления допущением телеологии природных связей, т. е. «а → в» трансформируется в «а ← в»; как сильная, так и слабая версии антропного принципа (АП).

– Организационное единообразие культуры (материальных и духовных процессов), управляемое фундаментальными мыслительными константами (ФМК) (см.: [19]). Примечательно отчаянное вопрошание-восклицание Веселовского: «Как в языках, при различии их звукового состава и грамматического строя, есть общие категории <...>, отвечающие общим приемам мышления (! – В.И.), так и сходство народных верования (сюжетный параллелизм – В.И.), при отличии рас и отсутствии исторических связей не может ли быть объяснено из природы психического процесса и совершающегося в человеке? Чем иначе объяснить, что в сказках <...> обрядах народов, иногда очень резко отделенных друг от друга и в этнологическом, и в историческом отношениях, повторяются те же мотивы и общие очертания действия?» [5, с. 86].

– Организационное единообразие языка, которое пытались выявить Соссюр (под фирмой сил, постоянно и универсально действующих во всех языках), Якобсон (под фирмой универсальных законов, ограничивающих разнообразие языковых кодов, их структурирующих правил, ограничивающих разнообразие допустимых сообщений) (см.: [35, с. 414]).

Не увеличивая элементов списка и одновременно не уценяя ни остроты, ни высоты, ни пронизательности наличной идущей мысли, отметим ее устойчивую недееспособность по части эвристической тематизации морфогенетической определенности нашего вселенского локала: какова генеалогическая, структурная, функциональная координированность, консолидированность его неорганического, органического, надорганического отсеков?

Ненаучное (но духовно ценное) сознание напирает на telos, правда, опуская эссенциологию: насколько сам по себе он – целезаданная или бесцельная энтелехия (движущая сила) универсума?

Научное сознание напирает на а) типологичность приемов (в том числе генетического и языкового) кодирования информации (см.: [17]); б) типологичность надэтнических цивилизационных законов развития, которые только еще предстоит всесторонне осмыслить и точно сформулировать (см.: [22]).

Специализированное размышление о характере морфогенетической надареальной организации в качестве особого предмета генеративных творческих операций – это и составляет задачу прорыва в будущих фило-софско-семантических исследованиях.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Флинта. Наука, 2009. 416 с.
2. Белый А. Луг зеленый. Книга статей. М.: Альциона, 1910. 247 с.
3. Бергсон А. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: М.И. Семенов, 1913–1914. Т. 5. 224 с.
4. Бродский Н.Л., Сидоров Н.П. От символизма до «октября». Литературные манифесты. М.: Аграф, 2001. 374 с.
5. Веселовский А.Н. Собрание сочинений: в 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 16. 376 с.
6. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 576 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М.: СОЦЭГГИЗ, 1938. Т. XII. 471 с.
8. Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. М.: Наука, 1975. 471 с.
9. Гейтинг А. Обзор исследований по основаниям математики. Интуиционизм. Теория доказательства. М.; Л.: ОНТИ НКТП СССР, 1936. 96 с.
10. Гильберт Д. Основания геометрии. М.; Л.: Гостехиздат, 1948. 492 с.
11. Гофман В. Язык литературы. Л.: Художественная литература, 1936. 381 с.
12. Есенин С.А. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 5. 339 с.
13. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: Либроком, 2013. 331 с.
14. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1993. 163 с.
15. Ильин В.В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. М.: Проспект, 2017. 184 с.
16. Ильин В.В. Теория познания. Гносеология. М.: Проспект, 2018. 496 с.
17. Ильин В.В. Теория познания. Критика инструментального разума. *Spēciōsa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, 2020. 160 с.
18. Ильин В.В. Теория познания. Симвология. Теория символических форм. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 384 с.

19. Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М.: Проспект, 2016. 272 с.
20. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2018. 176 с.
21. Ильин В.В. Философия гуманитарного знания. *Studia Humaniora*. Гуманитаристика. М.: Проспект, 2019. 256 с.
22. Ильин В.В. Философия истории. М.: Изд-во Московского университета, 2003. 380 с.
23. Ильин В.В. Философская антропология. М.: Книжный дом «Университет» (КДУ), 2008. 232 с.
24. Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
25. Манн Т. Собр. соч.: в 8 т. М.: Терра, 2009. Т. 8. 377 с.
26. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 95–142.
27. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. 464 с.
28. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. М.: Владос, 1999. 357 с.
29. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков: Изд. М.В. Потебни, 1905. 652 с.
30. Потебня А.А. Мысль и язык. Одесса: Гос. изд-во Украины, 1922. 172 с.
31. Проблемы Гильберта. М.: Наука, 1969. 240 с.
32. Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 397 с.
33. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма. М.: Соцэкгиз, 1936. 455 с.
34. Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 6. 790 с.
35. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
36. Beth E.W. The Foundation of mathematics // *A Study in the Phil. of Science*. Amsterdam, 1965. 741 p.
37. Brouwer L.E.Y. Points and Spaces // *Canadian journal of mathematics*. 1954. V. 6. № 1. P. 1–17.
38. Hermite C. Correspondance. V. II. P., 1905.
39. Husserliana: Edmund Husserl – *Gesammelte Werke*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1973. Bd. II. 96 p.
40. Poincaré H. Les mathématiques et la Logique // *Rev. methaphysique et morale*. 1906. an. 4.
41. Scheler M. *Schriften aus dem Nachlass*. Bern: Francke, 1957. 590 S.
42. Whitehead A.N. *Essays in Science and Philosophy*. N.Y.: Philosophical Library, 1947. 348 p.

THE «NON-REFERENTIAL» SEMANTICS?

V.V. Ilyin

Bauman Moscow State Technical University, Kaluga

The once popular, but devoid of epistemological basis, platform of the non-referential structure of semantic procedure is analyzed. It is shown that the establishment of semantic significance in the variants of linguistic, logical, phil-

osophical semantics is based on presupposed basic knowledge (a system of assumptions about the nature of reality mastered by conceptual and symbolic means); the latter cancels the principle of omniscience, destroys the finalist ideal of knowledge, as well as the theoretical and cognitive chimera of the evidential basis of cognition.

Keywords: *meaning, significance, the evidential basis of cognitive activity.*

Об авторе:

ИЛБИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э.Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

Author Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD (Philosophy), Professor, Head of the Department of Social Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bauman Moscow State Technical University» (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.01.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 01.02.2023.